

ISSN 1990-9381

научно-практический
журнал

Семейная психология и семейная терапия

№2
2014

16+

Москва

Семейная психология и семейная терапия

Ежеквартальный научно-практический журнал
издается с 1997 года

№ 2 2014 ГОД

Тема номера:

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПОДХОДЫ В РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ

Читайте в номере:

От редакции	3
Понятие семьи в постмодернистской психологии	
Степаиова Л.Г. Нарративный подход в консультировании и психотерапии: теоретическое основание	5
Кутузова Д.А. «Быть семьей»: взгляд с точки зрения социального конструкционизма. Обзор работ Л. Беллы и ее сотрудников	16
Джонс К. Неофициально организованный уход как межличностные отношения: случай «Великолепной семерки»	36
Методы постмодернистской психологии	
Хэйворд М. Опыт использования «Карты протраивания опор» Майкла Уайта с подростком и его семьей	51
Павловский А.И. Особенности использования программы «Навыки ребенка» с детьми с синдромом дефицита внимания и гиперактивности	73

Людмила Григорьевна Степанова,

канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры прикладной психологии
Факультета психологии, Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка (Минск, Беларусь)
stepanova_lg@yahoo.com

НАРРАТИВНЫЙ ПОДХОД В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ И ПСИХОТЕРАПИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основания постмодернистского подхода к оказанию психологической помощи. Постмодернизм в качестве альтернативы предлагает психологии свое видение социальной реальности, свое представление об оказании психологической помощи, которое воплотилось в нарративной практике. Нарративная практика – это подход к консультированию, как клиента, так и семей, который рассматривает клиентов как экспертов в своей собственной жизни, и видит проблемы отдельно от людей: «Человек – это не проблема, проблема – это проблема». В нарративном подходе особое внимание уделяется контекстуальному процессу взаимодействия, образующим фактором которого является язык.

Ключевые слова: постмодернистское мировоззрение, социальный конструкционизм, контекстуализм, нарративный подход, нарративное консультирование

В последние десятилетия в психологической и науке и практике все чаще и чаще стали появляться идеи, разительно отличающиеся от так называемой «традиционной психологии». Эти идеи развиваются в русле постмодернистского подхода, который в качестве альтернативы предлагает психологии свое видение социальной реальности, свое представление об оказании психологической помощи. Для того, чтобы лучше понять смысл постмодернистского направления психологической помощи в целом, и психологического консультирования и психотерапии, в частности, рассмотрим различия модернистского и постмодернистского мировоззрения.

Модернизм в своих теоретических построениях исходит из того, что человеку доступно абсолютное знание, которое можно воплотить в реальности, и характеризуется следующими чертами:

– стремление к созданию универсальной картины мира, которая сводит все многообразие действительности к единым основаниям. Отсюда вера в возможность человеческого разума познать мир, как некое целое, как

единую систему, подчиняющуюся определенным объективным законам;

- убеждение в доступности человеческому разуму абсолютного знания об этих основаниях. Отсюда особое внимание – точности исследовательских процедур, широкое применение количественных методов;
- стремление к полному воплощению этого знания в действительности. Отсюда вера в то, что, как и в естественных науках, на основании изучения сегодняшнего состояния можно предсказывать будущее, например, прогнозировать поведение человека;
- убеждение, что такая реализация будет способствовать увеличению человеческого счастья;
- уверенность в поступательном развитии человечества, в приоритете настоящего перед прошлым, а будущего перед настоящим. Отсюда вера, что история познания – это история прогресса, приближения к существенным, фундаментальным, общезначимым фактам о природе вселенной. Вера в то, что новые открытия могут дать больше и объяснить мир лучше, чем открытия прошлого.

Постмодернистское мировоззрение отличается повышенным интересом к многообразию и уникальности социального бытия личности, и характеризуется такими чертами, как:

- убеждение, что события происходят в физическом мире, а люди приписывают этим событиям смысл. Например, о двери можно сказать, что она наполовину открыта, а можно – что она наполовину закрыта. При одной и той же действительности налицо два принципиально разных смысла. Таким образом, так называемая объективная реальность – это продукт человеческого общения, знание не обретается пассивным образом, а активно конструируется человеком. Можно сказать, что если модернистов интересуют факты, то постмодернистов интересуют смыслы. В этой парадигме нет «объективного смысла», как нет и «объективного объяснения». Каждый описывает исходя из своего мировоззрения, из своей системы ценностей. Поэтому смыслы, которые люди приписывают событиям своей жизни, и то, каким образом они составляют из событий и смыслов истории о себе и о других людях влияет на них;
- установка на невозможность описания мира как некоего целого с помощью каких-либо общих теорий, претендующих на истинное, единственное верное знание о действительности. Истина, по крайней мере на социальном уровне, есть нечто текучее и обсуждаемое, абсолютных истин нет. Постмодернизм – это недоверие к великим «объяснительным системам» и признание многообразия и равноценности любых культурных форм;
- стремление к плюрализму, т.е. допущению одновременного сосуществования разнообразных точек зрения. Именно принцип плюрализма

является фундаментальным для осмысления постмодернизма, и уже непосредственно из него вытекают такие производные его характеристики как фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределенность;

– контекстуальное видение проблемы, которое можно определить, как точку зрения, согласно которой все поведение должно анализироваться в контексте, в котором оно происходит. Так как интерпретация любого действия вне контекста, в конечном счете, приводит к заблуждению. События постоянно перемешиваются, и каждое сочетание условий изменяет контекст появления будущих событий. Текстура событий не требует линейности (С. Пеппер). Основное внимание в контекстуальном видении проблемы сконцентрировано не столько на проблемах рассматриваемого пространства, сколько на системе взаимосвязей этого пространства с реальностью. Контекстуализм – есть взаимосвязи.

Постмодернистское мировоззрение приглашает консультантов и психотерапевтов к тому, чтобы:

– помочь людям (там, где это действительно необходимо) прекратить оценивать свою жизнь в соответствии с тем, какой она должна быть, согласно каким-то нормативам;

– подвергнуть сомнению «объективность», «экспертность» и «интерпретативные практики» консультанта и психотерапевта;

– подвергнуть сомнению «само собой разумеющиеся» идеи и предположения, которые, возможно, поддерживаются за счет использования того или иного языка в консультировании и психотерапии.

Методологическим основанием постмодернистского направления психологической помощи является социальный конструкционизм. Начало такого подхода было заложено в 1982 г. Кеннетом Гергеном¹ в книге «К трансформации социального знания». К. Герген начал с идеи о том, что научное содержание всех теорий и моделей зависит в большей степени от того, как именно исследователи договариваются использовать термины и понятия, а не от объективности, что в свою очередь, определяется социально-историческим контекстом. Таким образом, любые теории, понятия (в том числе и психологические) – это следствие языковой договоренности людей, живущих в конкретном историческом пространстве и времени. К. Герген в доказательство своей идеи приводит следующий пример. В 1950 г. в США вышла книга Т. Адорно с соавторами «Авторитарная личность», в которой был описан тип личности, критикуемый в американской литературе с точки зрения американского де-

¹ В некоторых переводах на русский язык фамилия этого автора транскрибируется как «Джерджен», но с учетом его немецкого происхождения, нам, вслед за Г.М. Андреевой, представляется более адекватным написание «Герген».

мократического сознания. Этот тип авторитарной личности очень сильно напоминал тип, который в довоенной нацистской Германии называли «личность G-типа», оценивая ее крайне позитивно [5]. Т.е. объективно одни и те же характеристики совершенно по-разному рассматриваются, объясняются и оцениваются в разных социальных контекстах. Таким образом, социальный конструкционизм предлагает признать, что объяснение окружающего мира может быть лишь конвенцией между людьми, вступающими друг с другом в определенные отношения, а слова, употребляемые для этих объяснений, имеют смысл только в контексте сложившихся отношений.

В. Барр [1] выделяет следующие отличия социального конструкционизма от традиционной психологии. Во-первых, одной из целей традиционной психологии состоит в том, чтобы обнаружить, как устроен отдельный человек (индивид), исследовать процессы, происходящие в нем, понять причины индивидуальных различий, и, нанеся на карту все механизмы человеческого функционирования, предсказывать и контролировать поведение и проявления людей. Социальный конструкционизм, напротив, утверждает, что единственный способ правильно понять человека и все человеческое – это рассматривать их как неотчуждаемую часть социальной жизни, т.е. оперировать не в логике «либо человек, либо социум», а «и человек, и социум», т.к. социальный мир состоит из людей. Люди являются одновременно и индивидами, и обществом.

Во-вторых, традиционная психология изучает и ищет механизмы, структуры и процессы, существующие «внутри» всех людей и порождающих те феномены, которые хотелось бы объяснить. Социальный конструкционизм же утверждает, что все феномены, связанные для человека с тем, что такое «быть человеком», являются продуктами тех социальных условий и процессов, в которых он живет.

В-третьих, традиционная психология видит одной из своих задач понимание того, каковы же люди «на самом деле». Социальный конструкционизм заявляет, что т.к. люди являются продуктом социальных процессов и условий, и эти социальные процессы и условия постоянно изменяются в ходе истории, то люди тоже постоянно меняются. Вся психология человека зависит от тех исторических и культурных условий, в которых он живет. Этим социальный конструкционизм утверждает, что социальные условия могут опосредовать психологическую предрасположенность, и что люди во всех аспектах и отношениях конструируются, создаются социальным окружением. В-четвертых, традиционная психология, как дисциплина, целью своей видит поиск истины посредством объективного изучения явлений с предварительным их расчленением (наподобие естественных наук).

Социальный конструкционизм утверждает, что такого рода истины не существует, и то, что сегодня называется «фактами» – это всего лишь версии событий, которые в настоящее время по разным причинам получили широкое распространение. Кроме того, социальный конструкционизм утверждает, что в силу отсутствия объективной истины о людях, не существует чего-либо, что оставалось бы верным вне зависимости от условий, исторического периода и культуры, в которых живут люди.

Постмодернистское направление неоднородно. Оно включает в себя ряд подходов:

- текстологический подход, который был предложен Р. Бартом в первой половине 1970-х. Текстологический подход изучает различные тексты, например, произведения письменности и литературы в целях восстановления истории, критической проверки и установления их текстов. Одной из проблем текстологии является проблема атрибуции текста, которая проводится в рамках судебной психологии на основе методов контент-анализа и психолингвистики;

- номадологический подход (от общеевропейск. *nomad* – кочевник, т.е. нечто ни к чему не привязанное), который был предложен Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Этот подход отказывается от жесткого детерминизма и от бинаризма, т.е. различных оппозиций (например, внешнего–внутреннего, прошлого–будущего, мужского–женского и т.п.). С точки зрения Ж. Делеза и Ф. Гваттари, современность демонстрирует отчетливо выраженную «потребность в номадизме». Для лучшего представления сущности номадологического подхода Ж. Делез и Ф. Гваттари используют следующую метафору. Если линейную модернистскую модель можно представить в виде «корня», как предполагающего жестко фиксированную конфигурацию и осевую структуру, то постмодернистскую модель – в виде «корневища-луковицы», который может прорасти в каком угодно направлении, или сети «корневых волосков», потенциально возможные переплетения которых невозможно предусмотреть [8, с. 524]. Благодаря номадологии объясняется феномен живости психики, души. Именно в нем заложены механизмы творчества, мышления и интуиции;

- симуляционный подход (Ж. Бодрийар), в отличие номадологического, позволяет найти в смысловых структурах человека ригидные смысловые структуры (например, деструктивные ценности), как симулякры, т.е. некие психические «протезы», оторванные от реальности и сформированные как извне (например, социумом), так и изнутри (например, эмоциями);

- шизоаналитический подход (Ж. Делез, Ф. Гваттари), в отличие от симуляционного, отводит место отсутствию осознания деструктивных смыслов. С точки зрения шизоаналитического подхода, каждый человек по-

тенциально обладает шансом начать жить согласно естественным законам желая, восстановив гармоничные отношения с природой, обществом и самим собой;

– нарративный подход, в рамках которого человек понимается, как комментатор, автор, рассказывающий истории, и ученый, исследующий себя. Если ему удастся увидеть в истории своей жизни проявления смысла (а это происходит в тех случаях, когда жизнь и действия человека предстают как часть связанной истории), то порядок в его жизни может быть установлен.

Нарративный подход в психологической практике на сегодняшний день является самостоятельным направлением. А такие понятия, как «нарративная психотерапия» и «нарративное консультирование» являются уже устоявшимися.

Пионером нарративного подхода признается Теодор Сарбин, который примерно с 1985 г. сосредоточился на предмете нарративной психологии. Он рассматривает нарратив как организующий принцип, лежащий в основе человеческих действий и поступков [9]. Организующим принципом, лежащим в основе человеческих действий и поступков, является нарратив. Т. Сарбин подчеркивает, что «любые истории, будь они выражены в форме живой сказки, или в форме скучной психологической теории, или составлены из сочетания случившегося и воображаемого. Не важно, историк ли, писатель или ученый: человек пытается осмыслить мир при помощи ограниченных познавательных и языковых средств. Там, где отсутствуют четкие связи между эмпирическими событиями, человек организует их в воображаемые формулировки, которые соответствуют одному или более критерию согласованности» [9, с. 17]. Нарративы, или истории, являются для Т. Сарбина частью базовой метафоры контекстуализма. Центральный элемент метафоры – это событие, произошедшее в физическом мире, которое может быть понято только тогда, когда оно помещено в пространственно-временной контекст. Сам термин «контекстуализм» является нововведением С. Пеппера, который считал, что основное внимание в контекстуальном видении проблемы сконцентрировано не столько на проблемах рассматриваемого пространства, сколько на системе взаимосвязей этого пространства с реальностью – контексте.

Не менее важной фигурой в нарративном подходе считается и Губерт Херманс, который в 1990-х годах разработал теорию Диалогического Я, в которой предлагает рассматривать самость как полифонический роман, принадлежащий не одному автору, а многим. Человек обитает во множестве миров, в каждом из которых свой автор рассказывает свою историю относительно независимо от друг от друга. Г. Херманс является также автором

теории валюации, которая основывается на метафоре «мотивированного рассказчика», объединяющей воедино истории, их рассказывание и мотивацию [12]. В этой теории выделяется понятие «саморефлексии», которое тесно связано с понятием рассказывания. Когда люди рассказывают о событиях своей жизни, они в то же самое время размышляют о себе, включая во внимание позицию слушателя. Содержание повествования зависит от природы взаимоотношений, в которые вовлечен рассказчик, т.к. автор истории обращается к определенной аудитории и имеет ее ввиду, когда порождает письменный или устный текст. Аудитория со-конструирует историю и ее содержание, т.е. в разных контекстах и разным людям человек рассказывает по-разному свою историю. Например, рассказывая о какой-либо ситуации (истории) из своей жизни своим друзьям можно расставить одни акценты, родителям – другие (чтобы не волновались лишней раз), а коллегам по работе вообще ничего не рассказывать. Г. Херманс говорит о том, «что процесс валюации, понимаемый как деятельность, зависящая от контекста, совместно конструируется и клиентом, и психологом» [12, с. 18].

Еще одним лидером нарративного подхода является Дэниэл Макадамс, который в начале 1980-х гг. разработал модель идентичности. Идентичность рассматривается как жизненная история, которая содержит в себе некую обстановку, сцены, персонажей, сюжет и главную тему. «Мы реконструируем свое прошлое, воспринимаем свое настоящее и предвосхищаем будущее в терминах некой интернализированной развивающейся Я-истории (self-story), которая в определенной степени сообщает жизни современного человека психосоциальное единство и осмысленность» [6, с. 136]. Жизненные истории развиваются и изменяются по мере продвижения по жизненному пути, отражая различные своевременные и несвоевременные события и переходы. Д. Макадамс утверждал, что люди могут работать над различными сторонами или свойствами истории в разные моменты жизни. Истории существуют для того, чтобы рассказывать их другим, таким образом, они постоянно создаются и пересоздаются в социальных отношениях и в более широком социальном контексте. Как психосоциальные конструкции жизненные истории отражают ценности, нормы и отношения, существующие в тех сообществах, в которых эти истории обеспечивают жизни значение и смысл [6]. Их можно понять в определенных культурных рамках, и в то же время они отличают одного человека от другого. Идентичность постоянно создается во взаимоотношениях с другими людьми, и постоянно пересоздается из множества (подчас противоречивых) историй.

В настоящий момент наиболее ярким представителем нарративного

подхода к оказанию психологической помощи является австралийский психотерапевт Майкл Уайт [10] и новозеландский психотерапевт Дэвид Эпстон, которые являются основателями направления, известного как нарративный подход в психотерапии и работе в сообществах; а также американские психотерапевты Джил Фридман и Джин Комбс [11], которые активно используют нарративный подход в рамках семейной психотерапии.

Этот подход не утверждает, что проблемы в людях, и чтобы справиться необходимо «бороться с собой». Напротив, нарративный подход помогает взглянуть на свою жизнь с ресурсной позиции, дистанцироваться от непосредственно переживаемого травмирующего опыта, и совершить осознанный выбор, меняя свою жизнь в желаемую сторону. Ведь каждый момент содержит пространство для существования многих историй, и одни и те же события в зависимости от приписываемых им смыслов и характер связей могут сложиться в разные нарративы. В нарративном подходе особое внимание уделяется контекстуальному процессу взаимодействия, образующим фактором которого является язык. Как отмечает Ф.И. Барский [2], в целом для нарративного подхода характерны такие черты, как опора на базовую философскую метафору «контекстуализма» (Т. Сарбин), социально-конструкционистские представления о личности (К. Герген) и интерес к дискурсу и историям как мощным средствам конструирования индивидуального и социального опыта (Д. Брунер).

В фокусе внимания нарративного подхода находится взаимосвязь представлений человека о себе, о способности влиять на свою жизнь, авторской позиции по отношению к собственной жизни.

Нарративная модель психологической помощи основывается на двух основных принципах:

1) все мысли и поведение человека существуют в культурных контекстах, которые дают им особый смысл и значение;

2) взгляд людей на мир формируется через комплекс, зачастую бессознательных процессов «просеивания» через собственный опыт и выбора тех его элементов, которые наиболее соответствуют доминирующей истории жизни.

Целью нарративной модели психологической помощи является создание новых историй, открытие пространства для широкого поля альтернатив, переживания ощущения выбора. Нарративный консультант не занимает позицию «эксперта по содержанию жизни» клиента, а напротив, занимает позицию «незнания», поэтому в фокусе внимания оказываются не знания и умения консультанта, а знания и умения клиента. Нарративный консультант лишь задает вопросы, которые способствуют выстраиванию желаемого для клиента направления жизни, которое происходит за счет

нее более полного и насыщенного, многогранного описания предпочитаемой истории клиента.

Нарративное консультирование и психотерапия имеют ряд уникальных аспектов:

1. Клиенты рассматриваются как специалисты (эксперты) в собственной жизни, в своей проблеме и целях, которые хотят достичь. А профессиональная позиция психолога предполагает уважительное, заинтересованное отношение к любым человеческим историям.

2. Такая позиция предполагает, что «Люди – это не проблемы, проблемы – это проблемы». При этом проблематизируется проблема, а не человек, что исключает эффект «приклеивания ярлыков» и способствует тому, чтобы, например, вся семья сплотилась и направила свои усилия на борьбу со Страхом одиночества, Лениью, Неусидчивостью и т.д. Клиент исследует, как проблема влияет на его жизнь, как убеждает его действовать тем или иным образом, каков его опыт и методы противостояния проблеме, как его планы и мечты отличается от планов проблемы на его жизнь.

3. В свою очередь консультант находится в позиции «не-знания», которая характеризуется неподдельным любопытством, искренним желанием задавать вопросы, на которые он не знает ответа. Такая «не экспертная» позиция позволяет совместное исследование проблемы клиента.

4. Всегда существует множество различных направлений, по которым может протекать беседа с клиентом, нет какого-то одного «правильного» хода беседы, известного консультанту как эксперту.

5. Психологическая помощь сфокусирована на том, как клиенты выражают свой опыт. Эти акты выражения опыта, переживания мира или жизни есть интерпретации (через язык), посредством которых клиенты придают смысл своему опыту и делают его понятным для себя и для других. Смысл и опыт – нераздельны.

6. Психологическая помощь в рамках этого подхода предлагает клиентам возможность рассказать и пересказать, воплотить и перевоплотить предпочитаемые истории своей жизни; открыть альтернативные знания и умения, которые содержатся в этих новых выражениях опыта, а также открыть способы жизни, в которых эти альтернативные знания и умения воплощаются. А психолог выступает для клиента как некий временный профессиональный сопровождающий в процессе выборов, совершаемых клиентом на основе его личных предпочтений и принятия им ответственности за эти выборы.

Таким образом, нарративные психотерапевты не склонны, как это было в классической семейной психотерапии, видеть суть проблемы как внутреннюю характеристику семейной системы. Сторонники нарративного подхода счи-

тают, что проблемы возникают, поскольку люди конструируют свои личные нарративы относительно культурных нарративов и через них осмысливают свою жизнь. Именно эти культурные нарративы определяют нормы поведения, определенные формы убеждений [10]. В рамках нарративного подхода терапевты считают, что прошлый опыт, представление о себе самом можно изменить, рассказывая (конструируя) новые (альтернативные) истории о себе самом. Так Г.Л. Будинайте [3] подчеркивает, что, если в процессе классической семейной психотерапии психотерапевт будет сосредоточен на том, что бы выявить так называемую «объективную реальность», т.е. выявить факты, с помощью которых может быть понята проблема, заявленная клиентами, то в нарративной семейной психотерапии терапевт откажется от подобного «объективного видения» проблемы, т.к. любая проблема имеет только ту степень «реальности», которую хотел бы приписать сам клиент. Если в классическом подходе жалоба клиента обязательно должна быть подкреплена этим «объективным видением» терапевта, распространяемого на особенности системы взаимодействия в семье, то в нарративном подходе подобное понимание терапевтом перестает быть необходимой составляющей терапевтической работы.

Если в классическом подходе терапевт имеет свое профессионально проинтерпретированное видение клиентской ситуации, а также понимание того направления, в котором ее необходимо преобразовать, то в нарративной семейной психотерапии в качестве ориентиров выступают конструируемые с помощью терапевта собственные представления клиентов о необходимом результате терапии.

Содержание стратегической терапевтической цели в классическом подходе конструируется самим терапевтом на основе представлений о функциональности. В нарративном же подходе процесс направляется построением «преобразующих», новых историй, которые могут заменить собой «доминирующие» истории. Важно отметить, что преобразующие истории не могут быть навязаны клиенту, поскольку это может совсем не соответствовать представлениям клиента. Все усилия терапевта направлены на «уплотнение» и «расширение» новой истории посредством жизненного материала самого клиента. Содержанием же терапевтической цели в нарративном подходе является готовность клиента принять и самому создать новую и желательную для него историю жизни и признать ее доминирующей в его жизни.

Такова специфика нарративного подхода к оказанию психологической помощи. Можно согласиться с мнением В.В. Москвичева, что иногда нарративный подход пытаются представить как набор техник, «оставив при этом в стороне его мировоззренческую основу – представление о социальном характере идентичности, об уважении к людям и их историям, вни-

мнение к вопросам власти и ответственности и другим идеям. Такое использование может до неузнаваемости исказить суть подхода» [7, с. 223].

Литература:

1. *Барр, В.* Социальный конструкционизм и психология / В. Барр // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С. 29–44.
2. *Барский, Ф.И.* «Нарративный поворот» в науках о человеке и обществе / Ф.И. Барский // О нарративной практике, терапии и работе с сообществами – по-русски [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://narllbrus.wordpress.com/2009/08/16/narrative-turn>
3. *Будинайте, Г.Л.* Классическая системная семейная терапия и постклассические направления: свободе выбора / Г.Л. Будинайте // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 3. – С. 79–90.
4. *Брунер, Дж.С.* Жизнь как нарратив / Дж.С. Брунер // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2005. – № 1(2). – С. 9–30.
5. *Джерджен, К.Дж.* Движение социального конструкционизма в современной психологии / К.Дж. Джерджен // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. – М.: ИНИОН РАН, 1995.
6. *Макадамс, Д.П.* Психология жизненных историй / Д.П. Макадамс // Методология и история психологии. – 2008. – № 3. – С. 135–166.
7. *Московичев, В.В.* Нарративная терапия: реализация практики уважения / В.В. Московичев // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» [Электронный ресурс]. – 2010. – № 5. С. 218–227. – Режим доступа: http://www.psyedu.ru/files/articles/2302/pdf_verlson.pdf
8. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
9. *Сарбин, Т.* Нарратив как базовая метафора для психологии / Т. Сарбин // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2004. – № 1. – С. 6–28.
10. *Уайт, М.* Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию / М. Уайт. – М.: Генезис, 2010. – 326 с.
11. *Фридман, Дж.* Конструирование иных реальностей: история и рассказы как терапия / Дж. Фридман, Дж. Комбс. – М.: Класс, 2001. – 368 с.
12. *Херманс, Г.* Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации / Г. Херманс // Постнеклассическая психология. Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. – 2006–2007. – № 1 (3). – С. 7–53.